

РУХАНИЯТ ТАРИХЫ

Кенже Торланбаева

Доктор исторических наук, профессор

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО МАНИХЕЙСТВУ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Историографию по манихейству в западных исследованиях можно представить в виде поэтапного изучения письменных манихейских источников. В этой связи изучение манихейства в западной историографической школе связано со многими мировыми именами классического источниковедения.

Манихейство всегда было в центре внимания христианских религиозных деятелей, и понималось исключительно как христианская ересь, поэтому неслучайно, что самое первое на рубеже XV – XVI вв. исследование о манихействе было предпринято французским протестантом Исааком де Бособром в его труде «Критическая история Мани и манихейства». Он рассматривал манихейство «как сознательную оппозицию современному ей церковному христианству и как своего рода предшественницу Реформации»¹, но при этом автор стал первым историком, который провел критический анализ сведений о манихействе полемических сочинений отцов христианской церкви (Кирилл Иерусалимский, Епифаний, Серапион Тмуитский) и первым говорил о манихействе как о самостоятельной религии «восточного» происхождения.

Только через сто лет после де Бособра появилось сочинение Ф.Х. Баура, профессора церковной истории Тюбингенского университета, который, опираясь на греческих и латинских авторов и трактат Александра Ликопольского «Против манихеев», рассматривал манихейство не как христианскую ересь, а как новую религию. Эта новая религия имела сходство с христианством, имела корни в зороастризме и в ней преобладал буддийский элемент, но разобраться в манихействе Баур не мог, и констатировал, что все знания о религии Мани в XVII в. базируются на антиманихейских христианских сочинениях, тогда как свет на это учение могут пролить сведения из восточных рукописей².

Прорыв в изучении манихейства произошел только в XIX веке – в столетии, ставшим главным этапом в изучении Востока и сложении европейского востоковедения. Это было связано с формированием западной концепции Востока, охарактеризованной в труде Эдварда Саида³.

Судьба сочинения арабского энциклопедиста, принадлежащего к шиитам, Ибн ан-Надима «Фихрист» имела длительную историю вхождения

в научный оборот. Это было связано с объективными причинами, когда Европа еще не была готова к восприятию богатого восточного знания, тогда как рукопись «Фихрист» в ее лейденском (1629 г.) и парижском (1672-1673 гг.) фрагментах пылились в хранилищах⁴. Густав Флюгель (1802-1870 гг.), будучи специалистом в области восточных языков, первый при изучении манихейства черпал свои сведения о нем из парижской рукописи де Слэна. Он ввел в научный оборот и издал части рукописи «Фихриста» о манихействе, снабдил их научными комментариями и провел анализ восточных и западных сведений о манихействе.

По мнению Г. Флюгеля, было ясно, что ан-Надим знал о манихействе из оригинальных манихейских тестов, переведенных на арабский с сирийского и персидского языков. Информация о христианских еретиках Бардайсане и Маркионе, у ан-Надима указывала на то, что Мани ввел в свое учение христианскую ересь⁵. Однако, если обратиться к восточному христианству, то его концепция представляется нам совершенно не одинаковой с той, которая выработалась в христианстве позже. Таким образом, научное изучение манихейства относится к XVI веку, но только в XIX веке стал использоваться сравнительный метод сопоставления сведений разноязычных источников. Главным мотивом интереса к манихейству в историографии этого периода было желание узнать о нем больше, чем то, что дают греческие и латинские авторы, разобраться в самих христианских догматах, их истоках, формировании и непогрешимости и, что было более доказательным для этого как обвинение в любом инакомыслие других религий и объявления их ересью.

Возможно, что ограниченные знания о манихействе сохранились бы и по сей день, если бы не открытия XX века собственных манихейских письменных источников в Китае, Египте, Алжире.

Памятники письменной культуры, обнаруженные на территории Центральной Азии представлены памятниками рунического письма, принадлежащие уникальному миру кочевой культуры, а также памятниками религиозно-философской мысли, литературы, хозяйственными документами и другими свидетельствами истории, которые относятся к оседло-земледельческим обществам от Междуречья Тигра и Евфрата, Египта, Греции, Ирана до Согда, Индии, Тибета и Китая по всей протяженности торговых дорог Великого Шелкового пути. Именно после обнаружения отрывков собственных манихейских текстов в Восточном Туркестане (СУАР, КНР) появилась возможность попытаться понять успех манихейства в его распространении, но также задать еще больше вопрос по сравнению с теми, которые были заданы до этих открытий.

В историографии исследований по манихейству в общем на протяжении XX века обнаруживаются условно три ведущих направления.

Первое связано с переводами текстов источников, их реконструкции и реставрации, всестороннего изучения и введения в научный оборот, публикации новых текстов, переизданием и новым исследованиям текстов с

учетом наработанных наукой к этому времени представлений и концепций, а также составление каталогов манихейских текстов на разных языках.

Второе направление в историографии изучения манихейства связано с проведением обобщающих работ на основе переводов, сравнительного анализа с косвенными сведениями о манихействе арабских и христианских авторов; в этих работах в основном ставится вопрос о самом манихействе, его доктрине, основных принципах, путях распространения, связи с христианством, зороастризмом, буддизмом, исламом.

Третье направление, базируется на достижениях в области изучения манихейства в различных странах и соответственно публикациях исследований по конкретным научным вопросам; это направление сопряжено с реализацией международных проектов ученых из разных стран, составлением электронной базы древних рукописей не только относящихся к манихейству, но и гностицизму, христианству, буддизму, исламу, нумизматике, искусству.

Первое направление в манихейской историографии основано на знании среднеиранских языков, манихейского письма (изобретенного манихеями для своих священных писаний на основе сирийского языка), тюркского рунического и курсивного уйгурского письма, китайского, греческого, коптского, латинского языков и относится к классическим востоковедным знаниям, которые независимо от страны, времени и достижений в науке являются главными в изучении манихейства. Поэтому уже с самого начала обнаружения манихейских источников в их открытии и в изучении приняли участие такие известные в науке имена как Альберт Грюнведель, Альфред фон Лекок, Фридрих Вельгельм Карл Мюллер, Поль Пельо, Эдуар Шаванн, Марк Аурель Стейн, Фридрих Карл Андреас, Василий Васильевич Радлов, Карл Шмидт, Ганс Якоб Полоцкий, Вальтер Бруно Хеннинг, Аннемария фон Габен, Элизабет Мэри Бойс и многие другие.

Альберт Грюнведель (1856-1935 гг.), специалист в области индийского и тибетского буддизма, оказался в числе первых, кому посчастливилось в ходе первой экспедиции 1902-1903 гг. Берлинского этнографического музея обнаружить в развалинах древних храмов Турфана настенную живопись, отрывки текстов и древние рукописи⁶. Он сделал первые эстампажи надписей и отвез их к заместителю директора музея, известному синологу и знатоку арабского и персидского языков Фридриху Вельгельму Карлу Мюллеру (1863-1930 гг.). Представленная Ф.В.К. Мюллером Прусской Академии наук дешифровка показала, что это были отрывки текстов «Евангелия» Мани, отрывки из «Шапуракана» («Книги Шапура»), преподнесенного Мани в честь шаханшаха Шапура I на среднеперсидском языке, большой отрывок космогонического содержания, гимны и молитвы⁷. Популяризация и исследования всего комплекса находок в Турфане принадлежит почетному сотруднику музея, уже известному тюркологу, Альфреду фон Лекоку, который посвятил этому свои

многочисленные публикации и дневники⁸. Работы по исследованию турфанских манихейских текстов продолжили В. Банг и А. фон Габен⁹.

Известный синолог и археолог Поль Пельо в 1908 г. в Дуньхуане обнаружил в буддийском пещерном храме окончание неизвестного ранее манихейского сочинения «Краткое содержание учений и правил религии Будды Света» на китайском языке (Китайский компендиум, или также трактат Пельо). В последующие годы он описал саму экспедицию и совместно с Э. Шаванном на страницах «Азиатского журнала» опубликовал перевод и исследования этого текста и также обнаруженного в Дуньхуане свитка неизвестного китайского трактата (Traite), названного «Священной книгой одной из персидских религий»¹⁰.

Манихейские тексты обнаруживались не только в Центральной Азии, но и в Африке. В 1918 г. в Алжире около г. Тебесса в пещере были найдены остатки пергаменного кодекса с латинским текстом, исследование которого провел П. Альфарик¹¹. В 1930 г. А.Ч. Битти и в 1931 г. К. Шмидт купили в Фаюме и Каире коптские манихейские тексты. Первое исследование по ним было предпринято К. Шмидтом и Г.Я. Полоцким¹². По поводу этих находок Ганс Генри Шедер писал, что для понимания манихейства эти находки «начинают новую эпоху. Кто бы мог мечтать, что Египет подарит нам манихейские сочинения в коптском переводе, и, причем целую частную библиотеку!»¹³. В эту коптскую библиотеку манихейских рукописей входили переводы таких сочинений как Гомилии, Послания Мани, Кефалайа и другие.

На основе находок собственных манихейских текстов в переводах на различные языки, сделанные в манихейских общинах, позволили ученым опубликовать множество исследований по манихейским текстам, систематизировать и теоретически осмыслить имеющийся материал и дать новое научное понимание учения Мани. Среди исследований такого рода отдельные статьи и монографии. Г.Г. Шедер считал, что через христианских еретиков Мани познакомился с греческой философской мыслью, поэтому истоки манихейских идей нужно искать в греческой науке, в «подлинном и искупительном знании» – гносисе, потому что философия учения Мани имела конкретные цели: объяснить устройство мироздания, в поисках которого и находились греки, и показать людям как достичь пути спасения.

Фундаментальные работы известного коптолога Г.Я. Полоцкого привнесли в исследования о манихействе ряд новых качеств: оригинальность идей Мани, системность и сравнительный анализ манихейских источников на разных языках. Исследования выдающегося ученого Вальтера Бруно Хеннинга по турфанским манихейским текстам посвящены как изучению отдельных текстов на согдийском и парфянском и их переводам, так и отдельным вопросам этой религии¹⁴. В.Б. Хеннингу наука благодарна научными исследованиями истории, источниковедения, языкознания царства Парфянского существовавшего 476 лет. По преданию мать Мани была знатного парфянского происхождения, а сама религиозная

община элхасайтов, в состав которой входила семья Мани, развивается в период самостоятельности Парфии под парфянской династией Аршакидов. На основе сохранившихся памятников парфянской письменности выделяются два этапа развития парфянского языка: раннепарфянский, сведения о котором мы черпаем из материалов Нисы, и позднепарфянский, представленных в манихейских памятниках. В. Хеннинг установил, что распространение манихейства в Парфии способствовало становлению и развитию парфянской литературы¹⁵. В этом направлении важная работа по систематизации, каталогизации и составлению хрестоматий, снабженных отдельными томами словарей были выполнены Мэри Бойс, ученицей В. Хеннинга¹⁶. В «Хрестоматии манихейских текстов на среднеперсидском и парфянском языках» (1975 г.) она воспроизводит тексты, над которыми в первые годы после открытия в Турфане работали Ф.В.К. Мюллер, В.К. Адreas и К.Г. Залеман, делает их доступными для студентов восточных факультетов, характеризует учение Мани на основе этих текстов, дает историю манихейства, разбирает фонетику и грамматику этих текстов¹⁷.

В монографии А.Ш. Пюэша «Манихейство. Его основатель, манихейское учение» раскрываются четыре отличительные особенности учения Мани:

1) манихейство претендовало на то, чтобы быть универсальной религией, поэтому объединяло в себе, все то, что было в других религиях, отсюда такое свободное использование имен богов и пророков других религий;

2) манихейство – миссионерская религия, стремившаяся стать единственной религией, открывающая путь для спасения;

3) манихейство – религия книги, по традиции самому Мани принадлежало семь сочинений, переведенные затем на различные языки, показывающая беспрецедентную переводческую деятельность;

4) манихейство – синкретическая религия, стремившаяся взять от других религий разбросанные в них истины, ассимилировать их к своим дуалистическим принципам, систематизировать их и сделать более понятными для народа¹⁸.

В своих исследованиях А.Ш. Пюэш ставит вопросы о спасении души в манихействе, концепции передачи знания, представления о мире тёмных и светлых сил, проводит разбор космогонических и антропологических мифов в манихействе. Шведский востоковед Гео Виденгрэн до конца своей жизни отстаивал идею об иранском происхождении манихейства, доказывал, что в его основе лежит зурванизм, впитавший в себя древние месопотамские религии. В своей монографии «Мани и манихейство» Г. Виденгрэн исследует такие вопросы как политическая ситуация в Месопотамии и соседних странах во время жизни и миссионерской деятельности Мани, церковная организация и учение Мани, манихейское искусство, личность Мани как религиозного деятеля и его жизнь¹⁹.

Таким образом, резюмируя рассмотренные выше работы с периода находок турфанских и коптских памятников манихейской письменности можно говорить о том, что из области истории религии манихейство перешло в область языкознания, лингвистики и источниковедения. Исследования о манихействе были сопряжены с выяснением вопросов понимания учения Мани, реконструкции его исторической действительности, происхождении манихейства, влияние манихейства на историю литературы, религиозной мысли, языка и письменности. Эти направления продолжают оставаться главными и на сегодняшний день, хотя и здесь произошли некоторые изменения связанные, прежде всего, с изучением конкретных вопросов, тем и направлений.

При этом находки текстов религиозного, литературного и документального характера продолжают. Так, в 1968 г. Кёльнский университет приобрел пергаментный кодекс на греческом языке, состоящий из 192 страниц различной степени сохранности и получившего название Codex Manichaicus Coloniensis.

В статье К. Рудольфа, посвященной исследованию кодекса, отмечено, что установление места этой находки позволит определить географию распространения манихейства. Этот источник представляет ценность как информатор биографии Мани. Перевод на немецкий язык с обширным комментарием был осуществлен А. Хенриком и Л. Кёненом в 1970 году²⁰. С 1986 г. по настоящее время в Юго-Западном Египте в оазисе Дахла на месте позднеримского поселения Келлис (*совр.* Исмант эль-Хараб) ведутся систематические раскопки, давшие сведения о том, что здесь находилась манихео-христианская община с конца 3 до конца 4 века, найдены древние рукописи на деревянных табличках. Эти находки представляют большой интерес для востоковедов, позволяющие выяснить вопросы взаимодействия манихейства и христианства.

Следует также отметить, что любые археологические находки памятников древней письменности во всем мире имеют огромное историческое значение. Например, находки древней письменности на жженных кирпичах-таблицах на территории Южного Казахстана (городище Культобе входит в группу крупных объектов арыско-бадамского укрепленного района; Ордабасинский район Южно-Казахстанской области, долина р. Арысь), дешифровка которых первоначально была невыясненной, вызвала огромный интерес у ученых²¹. Николас Симс-Вильямс известный востоковед, знаток древних языков, профессор Лондонского университета дешифровал культобинские надписи как согдийские, снабдив свое исследование текстом, переводом и комментариями²².

Возможно, что долина реки Арысь и Аксу была одной из сакральных мест еще в эпоху саков и поэтому находки письменности в этой части Казахстана не случайны, а отнесение их Н. Симс-Вильямсом к периоду древнего Канга и колонизации согдийцев этой части весьма актуально. Роль согдийцев в истории распространения различных религий, в том числе, и

манихейства велика. М. Бойс в хрестоматии манихейских текстов указала, что среднеперсидский и парфянский языки были церковными языками для согдийцев, вероятно, и в тот период, когда велась активная переводческая деятельность и создавалась Турфанская библиотека.

Поиски ученых об истоках происхождения идей учения Мани не нашли своего однозначного решения. Одна из причин этого на наш взгляд кроется в сознательной способности манихейства адаптироваться, приспособливаться, трансформироваться, подчас вести активную политическую деятельность, влиять на идеологию мистических и оккультных течений культурной и мировоззренческой среды распространения. Мани был религиозным деятелем, рациональным и деятельным лидером собственного учения, давший идею извечного абсолютного разделения светлого от тёмного, его религия мессианская, он показывает путь отделения светлых частиц от тёмных, т.е. путь спасения человечества, даже, если этот путь противоречат земной жизни.

Учение, которое стремилось стать универсальным и включало в свою доктрину имена богов других религий и верований, претерпевало трансформацию в разных регионах, где оно получало свое распространение. Сама способность манихейства приспособливаться и трансформироваться, не отвергая изначальную идею абсолютного разделения светлого от тёмного, приводила к включению того культурного начала, которое было в среде распространения манихейства для объяснения своей доктрины. Отсюда тематическое изучение манихейства в историографии можно условно подразделить по областям распространения учения: коптское манихейство, исповедовавшееся в манихео-христианских общинах в Северной Африке; китайское манихейство адаптировалось к мировоззренческим системам на китайской культурной почве; манихейство в Риме воспринималось как христианская ересь, и было распространено у европейских народов; тюркское манихейство как новая адаптация к культурной и мировоззренческой среде оседло-земледельческих и скотоводческих обществ Центральной Азии; и, наконец, манихейство в иранской среде, откуда манихейство и происходит, было отличным от того манихейства, которое «получилось» вследствие его адаптации в областях, где учение распространялось.

С последней четверти XX века историография по манихейству получили новое дыхание, связанное с конкретной тематической направленностью и пониманием, что изучение древних рукописей приводит к «приоткрыванию» действительности обыденной культурной жизни древних и средневековых обществ, когда религии и различные учения и верования функционировали параллельно развитию экономических и иных отношений в обществе. С 1987 г. осуществляется идея регулярных международных конгрессов по изучению манихейства, изданию сборников и бюллетеней материалов, издание серии под названием *Corpus fontium Manichaeorum*. В свою очередь эта серия подразделяется на

соответствующие серии, распределенными по манихейским источникам и как приложение к ним издаются словари содержащихся в текстах источников манихейских терминов²³. Помимо этой серии издаются и такие серии как *Oriente Roma, Nag Hammadi and Manichaean Studies*. В этих сериях изданий опубликованы отдельные исследования П. Циме о диспуте в тюрко-манихейской рунической надписи, П. Миреки по теме об аллюзиях и ритуальной практике в манихействе на основе коптского Кефалайа, С. Галаси о реконструкции манихейской книги «Образ», Б. Беннета о манихейском космогоническом мифе в антиманихейских сочинениях и другие, способствующих углублению знаний по истории манихейства, его доктрине и манихейским текстам²⁴.

О распространении манихейства в Центральной Азии актуальными являются работы, посвященные кругу исследований по тюркскому манихейству в период с VI по IX века. Собственно начинается изучение манихейства в Центральной Азии именно с периода открытий в Турфане и Дуньхуане манихейских источников на разных языках. Такие ученые как В.В. Радлов, П. Пельо, В. Хеннинг, А. фон Габен, А. фон Лекко, В. Винтер, В. Банг и другие были в числе пионеров, которым довелось заложить основы исследований по манихейству и другим религиям, древним языкам, письменной культуре, т.е. всей истории Центральной Азии в древности и раннем средневековье.

Прежде всего, нужно назвать работы по турфанским манихейским текстам выполненные В. Бангом и А. фон Габен. Они были одними из первых, позволивших судить о роли письменной культуры в Центральной Азии и значении в ее формировании манихейских общин²⁵. Труд А. фон Габена и В. Винтера, посвященный турфанскому гимну в честь Мани на тохарском языке, построен на сравнительном анализе тюркских текстов и снабжен лингвистическими комментариями и небольшим глоссарием²⁶. Исследования В. Хеннинга по истории Центральной Азии попали в его «Избранные труды», опубликованные в 1977 году²⁷.

Другие исследования В. Хеннинга посвящены изучению согдийского космогонического мифа, манихейской «Книге гигантов», истории согдийцев в Центральной Азии и их роли в распространении манихейства и других религий²⁸. Исследование Й.П. Асмуссена по тюрко-манихейской покаянной молитве «Хуастванифт» осуществлено в лучших востоковедных традициях, снабжено текстом, его переводом, лингвистическим и историческим комментариями, раскрывает учение Мани для рядовых слушателей манихейской общины в уйгурском обществе, также ученый говорит о влиянии на манихейство в этом регионе со стороны буддизма²⁹. Й. Асмуссену же принадлежит исследование по манихейской литературе, куда он включил известные к этому времени транслитерацию и переводы манихейских текстов, осуществленные ранее в различных научных журналах В. Хеннигом, В. Бангом и другими, но также делается жанровый разбор манихейской литературы³⁰.

Для понимания истории манихейства в Центральной Азии научную ценность имеет совместная статья П. Пельо и Э. Шаванна «Манихейский трактат, найденный в Китае», или еще известный как «Трактат Пельо» который состоит из анализа китайских текстов, обнаруженных в Дуньхуане Китайский трактат и Китайский компендиум. В этой работе делается разбор источников, его происхождения, датировки, истории возникновения, исследуются вопросы об истории распространения манихейства в Китае и роль в этом процессе согдийцев, ираноязычных народов и тюрок, история манихейства у уйгуров³¹. Интерес к работе Пельо-Шаванна вызвал ряд публикаций в китайской историографии, связанного с исследованием уйгурского манихейства и распространения учения Мани в Китае, и китайские исследователи выдвинули ряд предположений, позволяющие уточнить наши знания о датировках, исполнении и истории написания «Трактата Пельо».

Статьи таких авторов как Ген Шимин, Линь Ушу, Ян Шэминя, Чэнь Цзюньмау изучают круг вопросов, относящихся принятию Бёгю-каганом манихейства и его распространения в Уйгурском каганате, об иерархии манихейских монастырей, политической роли манихеев и посреднической деятельности в распространении манихейства согдийцев, отношение между шаманизмом и манихейством.

Известный китайский ученый Линь Ушу выдвинул идею о том, что текст «Трактат Пельо» представляет собой вольное переложение одной из семи книг Мани «Прагматейя», упоминающийся в тексте «Краткого изложения вероучения и обрядов Мани, Будды света» как Боцзямадие (т.е. Паргматейя), или «Канон изъяснения и доказательства прошлых воплощений». По мнению Линь Ушу, текст «Краткого изложения вероучения и обрядов Мани, Будды света» китайский император Сюань-Цзан для того, чтобы ознакомиться с пришлой религией приказал сделать краткое содержание его основ. Автор «Краткого изложения», учитывая господствующие позиции буддизма и даосизма в Китае, попытался показать соответствие манихейства этим учениям, заявил, что учение Мани, учение Будды и учение Лао-цзы суть единое и неразделенное целое. Линь Ушу считает, что «Краткое изложение» – это не перевод с парфянского или другого среднеперсидского языка как думают европейские ученые, а самостоятельное произведение, написанное по-китайски, отразившее авторское понимание манихейства³².

Еще в 1970-х годах на основе манихейских источников из Турфанской коллекции в Берлине началась публикация исследований Вернера Зундермана и Петера Циме³³. В их работах дается анализ рукописей, их состояние, качество, транскрипции и транслитерации, переводы, факсимиле текстов и комментарии. Такого рода работа проводилась с самого начала исследований текстов из Турфана и говорит о систематическом характере проводимых исследований.

Большую ценность представляют монографические исследования по истории манихейства в Центральной Азии. Прежде всего, нужно назвать работу Самуэля Лью «Манихейство в Центральной Азии и Китае» (1998). Это первое исследование, комплексно рассматривающее манихейство в Центральной Азии, которое достаточно оригинально построено и снабжено каталогом манихейских текстов с кратким описанием. Важным аспектом этой монографии является то, что С. Лью просвечивает историю манихейства в Восточном Туркестане через весь комплекс манихейских находок в этом регионе: письменные источники, настенную живопись, архитектуру. Интерес представляет раздел, посвященный анализу наставлений и практики в манихейских монастырях, ставится вопрос о деятельности манихеев в Центральной Азии и Китае и взаимодействии манихейства и буддизма³⁴.

Другое монографическое исследование истории манихейства у народов Центральной Азии принадлежит известному японскому ученому Токао Марьясу «История уйгурского манихейства на Шелковом пути»³⁵. Книга представляет собой фундаментальную работу по изучению роли манихейства в истории уйгуров, основанного на сравнительном анализе манихейских письменных источников турфанского, коптского, китайского круга и сведений китайских летописей. Монография Хавьера Трембля «К истории Сериндии. Манихейство среди народов и религий Центральной Азии по первичным источникам» проводит анализ письменных источников по истории Центральной Азии и манихейским текстам. Х. Тремблей придерживается мнения, что Сериндией назывались государства Восточного Туркестана как это было предложено в трехтомном труде М.А. Стейна «Serindia». Поэтому автором исследуется история оседло-земледельческих народов и их взаимодействия с кочевыми государствами политическая, демографическая и экономическая жизнь, распространение и укрепление манихейства, его влияния на письменную культуру, взаимодействие манихейства и буддизма и другие вопросы³⁶.

Таким образом, исследуя вопрос о манихействе в Центральной Азии в контексте развития западной историографии по истории манихейства и связанного с ним манихейского источниковедения, можно заключить, что с конца XX и начала XXI века появились значительные монографические работы, указывающие на интерес к изучению тюркского манихейства.

¹ Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). – СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2007. – С. 5-14.

² Там же, С. 14-15

³ Саид Э. Ориентализм: западная концепция Востока. \ Пер. с англ. – СПб: Русский мир, 2006.

⁴ Полосин В.В. «Фихрист» Ибн ан-Надима как историко-культурный памятник X века. – М.: Наука, 1989. – С. 19-24.

⁵ Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). – СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2007. – С. 15-16.

⁶ Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan, Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. – Berlin, 1912.

⁷ Müller F.W.K. Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chnesisch_Turkestan. \\\ Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1894. Phil.-hist. Kl. 1904.

⁸ Le Coq A. von. A short account of the origin, journey, and results of the First Royal Prussian (Second German) Expedition to Turfan in Chinese Turkistan" \\\ Journal of the Royal Asiatic Society, 1909; Le Coq A. von. Auf Hellas Spuren in Ostturkistan, Berichte und Abenteuer der II. und III. Deutschen Turfan-Expedition. – Leipzig, 1926.

⁹ Bang W., Gabain A. von Türkische Turfan-Texte I, II, III. – Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, XXII-XXIII. – Berlin, 1929-1930.

¹⁰ Chavannes, Pelliot, 1911-1913 – Chavannes Ed., Pelliot P. Un Traité Manichéen Retrouvé en Chine (Première partie) // Journal Asiatique. Paris, 1911. T. XVIII, 1911, n. 3; Paris, 1913. T. I. 11 série.

¹¹ Alfarc P. Un manuscript manicheen \\\ Revue d'histoire et de littérature religieuses, N.S. vol. 6, 1920.

¹² Schmidt C. - Polotsky H.-J. Ein Mani-Fund in Ägypten. Originalschriften des Mani und seiner Schüler \\\ Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.hist. Klasse, I. – Berlin: Akademie-Verlag, 1933.

¹³ Цит.: Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). - С. 26, прим. 90.

¹⁴ Henning W.B. The Book of Giants \\\ Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1943, vol. XI, part 1.

¹⁵ Расторгуева В.С., Молчанова Е.К. Парфянский язык. – Основы иранского языкознания. Среднеперсидские языки. – М.: Наука, 1981. – С. 151, 153

¹⁶ Boyce M. A Catalogue of the Iranian Manuscripts in Manichaean Script in the German Turfan Collection. – Berlin: Akademie-Verlag, 1960.

¹⁷ Boyce M. A Reader in Manichaean Middle Persian and Parthian. Text with Notes. – Acta Iranica IX. – Lieden: Brill, 1975.

¹⁸ Puech H.-C. Le manichéisme. Son fondateur – sa doctrine. – Paris, S.A.E.P., 1949. – С. 15, 145-167

¹⁹ Виденгрэн Г. Мани и манихейство. – СПб: Евразия, 2001.

²⁰ Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). – С. 29.

²¹ Подушкин А.Н. Новые памятники письменной культуры Южного Казахстана. // Шығыс, № 2, 2005. – С. 131-139

²² Sims-Williams N. The Sogdian Inscriptions of Kultobe: Text, Translation and Linguistic Commentary. – Труды Центрального музея. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2009. – С. 153-172

²³ Хосроев А.Л История манихейства (Prolegomena). – С. 29-30.

²⁴ The Light and the Darkness/ Studies in Manichaeism and its World. – Leiden, Boston, Köln: Brill, 2001. – С. 209-220, 173-180, 105-127

²⁵ Bang W., Gabain A. von Türkische Turfan-Texte I, II, III. – Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, XXII-XXIII. – Berlin, 1929-1930.

²⁶ Gabain A. von, Winter W. Ein Hymnus den Vater Mani auf “tocharisch” B mit alttürkescher Übersetzung. – Türkische Turfantexte IX. Berlin, 1958. – С. 3-42.

²⁷ Henning W. B. Selected papers. – Acta Iranica. – Vol. 14-15. – Theran-Liege, 1977.

²⁸ Henning W.B. The Book of Giants // BSOAS. – 1943. – Vol. XI. – Part 1. – P. 52-74.

²⁹ Asmussen J. P. Xuastuanift. Studies in Manichaeism. – Copenhagen: Prostant Apud Munksgaard, 1965.

³⁰ Manichaean literature. Representative Texts Chiefly from Middle Persian and Parthian writings. – Selected, Introduced and Party, translated by Jes P. Asmussen. – Delmer, New York: Scholars` Facsimiles and Reprints, 1975.

³¹ Chavannes, Pelliot, 1911-1913 – Chavannes Ed., Pelliot P. Un Traité Manichéen Retrouvé en Chine (Premiere partie) – С. 449-590, 591-617, 99-198

³² Geng Shimin. Notes on an Ancient Uighur Official Decree Issued to a Manichaean Monastery // Central Asiatic Journal, 1991, vol. 35, n. 3-4. – С. 209-223.

³³ Sundermann W. Mittelpersische und parthische kosmogonische und Parabeltexte der Manichäer. – Berlin: Akademie-Verlag, 1973; Zieme P. Manichäisch-türkische Texte. – Berliner Turfantexte V. – Berlin: Akademie-Verlag, 1975; Sundermann W. Mitteliranische Texte kirchengeschichtlichen Inhalts (mit einem Appendix von Nicholas Sims-Williams). – Berlin: Akademie-Verlag, 1981; Sundermann W. Ein manichäische-soghdisches Parabelbuch. – Berlin: Akademie-Verlag, 1985.

³⁴ Lieu SaueI N.C. Manichaeism in Central Asia and China. – Leiden, New York, Köln: Brill, 1998.

³⁵ Moriyasu Takao. Die Geschichte des uigurischen Manichäismus an der Seidenstraße. Forschungen zu manichäischen Quellen und ihrem geschichtlichen Hintergrund. Übersetzt von Christian steineck. – Studies in oriental Religions. – Volume 50. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004.

³⁶ Xavier Tremplay. Pour une histor de la Sérinde. Le manichéisme parmi les peuples et religions d'Asie Centrale d'après les sources primaires. – Veröffentlichung der kommission für Iranistik Herausgegeben von Heiner Eicher und Rüdiger Schmitt. NR. 28. – Wien: Verlag, 2001.